

Война и мир, как политический инструмент

Параллельно с агрессивной войной России в Украине и процессами, связанными, на этом фоне, со статусом кандидата в члены ЕС, грузинские власти активно приступили к внутривластной инструментализации вопросов войны и мира. Чтобы отвлечь внимание от существующего недовольства внешней политикой правительства в направлении интеграции с Евросоюзом и пренебречь этим, правительство пытается спекулировать на вопросах войны и вменить оппозиции и всем остальным оппонентам желание втянуть Грузию в войну. Привнесение такой политической риторики в общество, пережившую войну, поляризованную и разделенную маркером по ряду социальных, этнических и политических признаков, особенно ущербно.

Немаловажно и то, что в последние недели риторика о вовлечении в войну пошла еще дальше, помимо местных политических и гражданских акторов, она охватила также и геополитических акторов, что усилило подозрения и недоверие к западным партнерам. В этой риторике и видении политической реальности «Грузинская мечта» представляет себя защитником и гарантом мира. Будущее/условие смены власти или вступления страны в Евросоюз она связывает с экзистенциальными рисками безопасности и таким образом пытается сохранить статус-кво и собственную власть.

Однако ни правительство, ни общество не задаются вопросом, у нас действительно мир в нашем обществе? Есть ли ощущение мира среди людей, живущих вдоль разделительных линий, которые часто подвергаются задержанию и из-за т.н. «бордеризации», становятся жертвами потери земли и урожая? Есть ли чувство мира у жителей Гали и Ахалгори, которые были закрыты в течение нескольких лет и столкнулись с острым гуманитарным кризисом? Есть ли ощущение мира даже у абхазского и осетинского обществ, когда у нас нет значительного продвижения по пути трансформации конфликта, т.е. восстановления доверия и выстраивания общей повестки дня, и таким образом местные элиты могут легко манипулировать грузинскими угрозами? И в более широком смысле - в условиях глубокой политической поляризации, использовании служб безопасности в партийных и внутривластных целях, чрезмерной концентрации власти в государственной вертикали и наличие неформальной системы управления, политической инструментализации экстремистских групп и цепи организованного насилия, асимметрии в процветании между городом и центром и в условиях затянувшейся и беспросветной бедности, о каком мире можно говорить?!

Ясно, что эта риторика направлена на мобилизацию в послевоенном обществе страхов и аффектов, связанных с войной и безопасностью, а не реальных фактов и политических процессов, и инструментализирует эти исторические, коллективные травмы. В условиях, когда правительство не в состоянии решить основные проблемы, связанные с растущей бедностью, высокими ценами, экономическим неравенством, и не смогло получить статус кандидата в члены Евросоюза, что стало причиной проведения беспрецедентного массового протеста на улицах Тбилиси, риторика о вовлечении в войну воспринимается скорее как попытка прикрыть это недовольство.

Мы попросили исследователей и экспертов, занимающихся вопросами политики и трансформации конфликтов, высказать свое мнение по поводу риторики войны и мира и политических процессов, и статья по существу посвящена их мнениям и позициям.

В интервью приняли участие исследователи и эксперты:

Тамар Цхададзе - философ, профессор Государственного университета Ильи;

Паата Закареишвили - политолог, государственный министр по вопросам примирения и гражданского равноправия в 2012-2014 гг.;

Шорена Лорткипанидзе - исследователь международной политики;

Натиа Чанкветадзе - исследователь мира и конфликтов;

Яго Качкачишвили - социолог, профессор Тбилисского государственного университета;

Вано Абрамашвили – руководитель программы мира и интеграции "Кавказского дома".

Есть ли у этой риторики реальная основа? На ваш взгляд, как родилась эта риторика и какие у него внутренние конфликты и амбивалентности?

Паата Закареишвили: Я думаю, что цель этой риторики в том, чтобы как-то объяснить и защитить себя, почему они сегодня не на стороне Украины, ведь их к этому все обязывает. Потому что в этом сегодня заинтересована Грузия. Они должны говорить о том, что Грузия пострадала так же, как и Украина, что Россия должна выполнить свои обязательства перед Грузией по плану из 6 пунктов от 12 августа 2008 года. В этом отношении они находятся в очень сложном положении, стараются вообще не говорить о конфликтах Грузии и при этом не стоять на стороне Украины. Тем не менее это действительно прекрасный момент для Грузии, чтобы оживить, реанимировать соглашение от 12 августа 2008 года и, исходя из контекста Украины, включить Грузию в мировую повестку дня. Я думаю, что это план, видение России, потому что они сами до этого не додумались бы. Сегодня **главная задача России убедить мир в том, что Украина нацистская, фашистская и она имеет с ней свои счета, но как только Грузия заявит о себе, тогда будет ясно, что это российский империализм и Грузия уже прошла этот путь.** Но это не устраивает Россию. Здесь видна еще одна деталь. Может быть, это тоже директива из России, что там, где формируются вопросы против России, например, резолюции, судебные разбирательства в Гааге и где следует коллективная активность, они должны голосовать против России, чтобы обезопасить себя и создать в грузинском обществе ощущение, что они против России.

Яго Качкачишвили: Очевидно, что эта риторика не имеет реальной основы и является частью обычной официальной пропаганды - промывания мозгов. **То есть это презентация гипотетической, виртуальной реальности, не имеющей под собой объективной основы — ни**

одна структура Евросоюза, как и ни одно звено правительства США, не выступали с таким призывом. Идею открытия второго фронта высказывали некоторые представители украинской власти, хотя это не было требованием всеукраинского истеблишмента (например, Зеленский никогда такого не говорил).

Несмотря на это, власть до сих пор активно (и более или менее успешно) использует этот пропагандистский «фейк». В данном случае она действует методом ложного силлогизма/дедукции. **Посылки:** а) Украинские власти хотят втянуть Грузию в войну; б) Правительство Украины действует по указке Запада (ЕС). **Вывод:** Запад хочет втянуть Грузию в российско-украинскую войну.

Другое дело, что массовое сознание легко приспосабливается к таким простым и ложным силлогизмам. Более того, массовое сознание не любит безответных, «висящих» в воздухе вопросов, хотя оно и не любит само находить ответы на вопросы — думать, знакомиться с документальными источниками, критически сопоставлять их и т. д. массы предпочитают получать готовые ответы извне. Такими внешними источниками, которым будут доверять в глазах масс, являются прежде всего акторы власти, и среди этих акторов массовый человек имеет особое пиететное отношение к представителям власти, особенно в авторитарных обществах. Это проявление патерналистского сознания, когда «патрон», то есть власть, всегда права, когда что-то говорит.

В то же время паттерн «нет войне», даже если он не обоснован, эффективно работает в травмированных обществах, переживших болезненный опыт войны. Такой травматический опыт в Грузии сформировался после поражения в российско-грузинской войне 2008 года. Травматическое общество гиперболизует события, пытаясь «обнаружить кошку в темной комнате, даже если ее там нет». Определенная часть грузинского общества проецирует российско-украинскую войну и разрушительные последствия этой войны для Украины на Грузию, уверена, что это произойдет и в Грузии, и некритически смотрит на все «аргументы», которые, как противовес войне, ориентированы на мир.

Здесь, вне сомнения, следует учитывать использование правительством опросов общественного мнения в качестве инструмента вышеупомянутой пропаганды. Как известно, количественные (массовые) опросы не только описывают настроения и отношения в обществе, но и формируют общественное мнение. Недавно были опубликованы результаты опроса исследовательской компании GORBI, согласно которым подавляющее большинство респондентов поддерживает позицию грузинских властей негативно реагировать на возможный (!) призыв Запада втянуть в войну. Это пропагандистский и пристрастный результат опроса, цель которого – закрепить в общественном сознании и превратить политический, культурный архетип Запада в генерализованную икону злоупотребления, что является главным вызовом суверенитету и процветанию страны и своего рода мифологизированным проклятием.

Тамар Цхададзе: На чем основывается мнение? С объективной, нормативной точки зрения или с мнения подготовки соответствующей почвы в обществе?

По первому - нормативному - мнению, то есть действительно ли оправдано утверждение о том, что "Грузинская мечта" является защитником и гарантом мира, короче говоря, я так не считаю. Я думаю, что ее «поручительство» зависит, с одной стороны, от ситуации в России и ее интересов, а с другой стороны, от того, что «Грузинская мечта»/Иванишвили считает необходимым для сохранения собственной власти. Если в какой-то момент они решат, что им в этом поможет война или конфликт (даже гражданская война или военное завоевание Грузии Россией), я уверена, они не отступят.

Согласно второму мнению вопроса, риторика действительно имеет под собой основу, т. е. во мнении, что "Мечта" уже давно использует и распространяет эту риторику; подготовка основы началась задолго до нападения России на Украину. [Риторика или действия "Мечты" по поводу войны 2008 года как основы, с самого первого дня появления "Мечты" была очень последовательной и многоуровневой. В последний период \(включая последние предвыборные кампании\) едва ли не единственным положительным содержанием их пиара, кроме угрозы возвращения прежней власти, было утверждение, что после обретения Грузией независимости их правление - единственное, во время которого в стране не было войны.](#)

В этом плане мне интересен следующий паттерн: многие сторонники «Мечты», с которыми я разговаривала или спорила, начинают с аргументов о нарушениях прав человека и коррумпированных институтов во времена Саакашвили, но как только вы указываете на подобные проблемы во время правления «Мечты», они меняют тему и приводят аргумент о «продаже страны в войне 2008 года». Конечно, в этой риторике и ее использовании есть непоследовательности - например, нельзя сказать, обвиняют ли правительство Саакашвили в пособничестве России и предательстве или в небрежности и излишней бравате в отношениях с Россией. А вот «бывшее военное правительство и нынешнее мирное правительство» очень устойчивый и давний мем в риторике "Мечты".

С другой стороны, с точки зрения закрепления в общественном сознании, эта риторика имеет и другую основу, что является результатом не «Грузинской мечты», а дискурса и действий оппозиционного фланга – партий, СМИ, организаций гражданского общества или влиятельных (инфлюэнсеров) граждан. И это относится точнее к периоду после нападения России на Украину. Я имею в виду беспрецедентно усиленный милитаристский дискурс (который до этого был нишей антиоккупационного движения и вызывал много иронии в обществе), что, по-своему, даже стало одним из клеев противоположного "Мечте" фланга.

Кристаллизация, в такой форме, российского осуждения и поддержки Украины — что действительно аффективно — с моей точки зрения, еще больше укрепило антиобщественную основу «антивоенной» риторики, на полкесе "про-Мечты". Оставляя в стороне этот эффект, я [считаю такую милитаристскую природу дискурса в поддержку Украины очень проблематичной и опасной самой по себе: во-первых, милитаризм вообще проблематичен \(не говоря уже о праздновании количества убитых русских солдат и связанном с ним безумии\) и, во-вторых, те дискурсы \(завоевательные и т.п.\), которые он создавал именно в отношении Абхазии и Цхинвальского региона.](#)

Что это за тип политической технологии и каковы могут быть его социальные и политические последствия? Ведет ли эта риторика к мобилизации и инструментализации общественных страхов перед войной и является ли она аффективной?

Шорена Лорткипанидзе: Мы можем посмотреть на этот вопрос с нескольких перспектив: во-первых, как главный политический месседж «Грузинской мечты» и инструмент политической борьбы, они создали и адаптировали "роль утвердителя мира" (другая политическая сила попыталась, по крайней мере, всех опередили в этом деле) и когда говорят, что войны столько лет не было, верно, но и позитивного мира тоже не было.

Мир означает не только свободу от иностранной военной агрессии, оружия и бомб, они продали обществу концепцию негативного мира как мира. На самом деле мир означает установление мира дома, и для этого правительство не шевельнуло рукой, наоборот, мантия миротворцев обросла бесконечным внутривнутриполитическим противостоянием.

Второй вопрос заключается в том, насколько этому способствовала оппозиция. Оппозиция даже не предлагала обществу альтернативное видение, не пыталась сотрудничать, не участвовала ни в одном важном процессе в парламенте. А если и делала, то всегда с опозданием (Национальное движение подписало документ Шарля Мишеля только после того, как "Мечта" вышла из соглашения). Единственное, что предлагает оппозиция, это «не они, а я».

Отсюда у людей возникает объективный страх и некое чувство незащищенности. Чувство незащищенности связано с тем, что им каждый день по телевидению говорят, что их государство ни на что не годится, все всё воруют, совместимость с НАТО – ерунда, на самом деле наша армия никуда не годится, везде коррупция, у нас есть договор об ассоциации и торговое соглашение, но мы ничего не можем продать в Европу, наш стандарт низок. Если вы это слышите и знаете, что на Украине четвертый месяц идет война, почему бы не бояться. Словом, наши политические силы забывают одно, создание ощущения полной безысходности и беспомощности (конечно, эти претензии имеют объективные основания) все равно не приводит к сопротивлению. Наоборот, вызывает опасение, что сейчас лучше помолчать, так думают люди. Этим хорошо пользуется «Грузинская мечта», используя основную линию борьбы оппозиции для усиления своего нарратива.

Короче говоря, оппозиция иногда "рубит ветку, на которой сидит", когда вступает в дискурс, из которого нет выхода. То же самое и с "Грузинской мечтой", которая говорит, что в Грузии им никто не нужен, они могут решить и добиться всего сами. Такое отношение уже ведет к исключению различных групп из политического процесса, закрывает двери для дискуссий, инклюзивного принятия решений, перераспределения ответственности.

Страх существует объективно, и этот страх по-разному подпитывается как "Грузинской мечтой" с ее эксклюзивностью, так и оппозицией, сеющей полную безнадежность.

Идет борьба без правил и почему у "Мечты" такой нарратив, эта риторика, их порицание ничего не добавляет к нашему критическому дискурсу, тут главное какие инструменты и стратегии необходимы для трансформационных процессов. Я не вижу этого потенциала ни в

одной политической силе, другие политические силы, со своей стороны, проводят нечеткую и двусмысленную линию, что помогает "Мечте" укреплять свой нарратив и даже добиваться успеха.

Насколько эффективна политика безопасности «Грузинской мечты» и насколько оправдана ее удовлетворенность достигнутым за эти годы миром? Что вообще означает сегодня мир для Грузии, особенно в контексте оккупации и конфликтов?

Паата Закареишвили: Политика безопасности «Грузинской мечты» практически не работает. Мы не являемся частью какой-либо международной организации по безопасности, которая обеспечивает региональную безопасность. Например, как Армения в ОДКБ или Азербайджан дружит с Турцией, и та демонстративно обеспечивает ее безопасность. Грузия явно затягивает со вступлением в НАТО. Она явно пытается дистанцироваться от Турции, что, я думаю, является частью политики России. Сегодня Турция дружит с Азербайджаном и Украиной, и Россия это четко осознает и никак не может этому противодействовать. Если кого и боится Россия, так это два государства - Китай, контролирующий ее Дальний Восток и Центральную Азию, и Турция, контролирующая Кавказ, Черное море и имеющая претензии на Центральную Азию.

С Турцией можно было дружить, так вот эта цепочка - Азербайджан-Грузия-Турция-Украина, явно создавала бы некий концептуальный пояс вокруг России, а Грузия, как центральное звено этой цепи, выпала и это, безусловно, заметно. Поэтому Грузия полностью уязвима с точки зрения безопасности, у нее нет региональных гарантов безопасности. Формально у Армении есть Россия (по крайней мере, в чем-то Россия помогает); у Азербайджана - Турция, Турция - НАТО, а Европейский Союз и также ведущие государства поддержали Украину, находящуюся в регионе. У нас ничего такого не происходит, тем более, что непредоставление статуса кандидата в ЕС лишней раз показывает, насколько уязвимой стала Грузия, следовательно, политика безопасности Грузии катастрофична.

Кроме того, нельзя говорить о достижениях в направлении Мирной политики. По сей день даже концепции не сформулировали, даже не знают, как и зачем разговаривать с абхазской и осетинской стороной, а там ситуация регулярно меняется, власть меняется (сейчас Гаглов приехал), призывы Бжания к диалогу были отвергнуты и сегодня абхазы уже не говорят об этом диалоге и полностью удовлетворить их невозможно. Европейцы ясно видят, как абхазо-осетинские темы были катастрофически отброшены. Общество также видит, что прогресса в этом направлении нет.

Может быть, теперь они считают своим достижением то, что референдум в Южной Осетии не состоялся, что это результат неустанной работы грузинской дипломатии, что они убедили Москву работать с Цхинвали и изначально избежать референдума. Не знаю, почему они так долго не разговаривали. Если они не будут говорить, это само по себе будет основанием для отдельного анализа. Причина, по которой они не будут говорить, заключается в том, что Россия, вероятно, предупредит их, чтобы они не присваивали то, что им не принадлежит.

Если мир — это только отсутствие войны, это уже не мир. Не существует концепции мира, как мы будем вести мирный процесс, какие шаги нужно предпринять. Например, сегодня было бы лучше, если бы мирный процесс шел так:

1. Напомнить миру и России, что Россия, согласно мирному плану из 6 пунктов, обязалась выполнить пункт 5 и вывести свои войска. Россия подписала этот документ и эту позицию. Этот документ действителен, поскольку на нем основан Женевский переговорный формат. Присутствие наблюдательной миссии ЕС на территории Грузии основано на этом же документе. Имеется прекрасная возможность, исходя из Украинского кодекса, чтобы Грузия призвала Россию вывести свои войска согласно подписанному ею документу, чтобы нас не обвиняли выступающие с этой позицией в том, что мы сторонники войны.

2. Вторым шагом должен стать призыв к ЕС (к сожалению, на данном этапе мы упустили эти возможности, но мы можем их использовать в контексте этих 12 пунктов) усилить миссию наблюдателей ЕС. Мы должны объявить, что хотим усилить мониторинговую миссию Европейского Союза. Если это сработает, мы сможем превратить ЕС в миротворческие силы. Скажем ЕС, чтобы усилили мониторинг вдоль линии разграничения, а может даже стали миротворческим контингентом, чтобы дать абхазской и осетинской обществам четкую и недвусмысленную гарантию, что Грузия не будет и не сможет осуществить реванш, потому что между нами стоит усиленный миротворческий контингент, основанный на наблюдательной миссии Евросоюза.

3. 3-й шаг этой концепции должен быть таким: поскольку мы требуем вывода российских войск, мы должны предложить абхазам и осетинам их же собственное предложение, от которого мы пока отказываемся - давайте начнем переговоры о неприменении силы, работу над текстом и его подписанием, на чем настаивали абхазы и осетины.

Если «Грузинская мечта» пойдет на такие шаги, то можно сказать, что у нее есть Мирная политика. Они не предпринимают шагов для разрешения этих конфликтов. Я не знаю, что означает мир для Грузии, но для меня он означает именно то, что я только что сформулировал. Евросоюз будет задействован, а значит, поддержан, и абхазо-осетинские общества тоже будут задействованы, чтобы можно было говорить о неприменении силы в их интересах.

Шорена Лорткипанидзе: В Грузии нет мира, мы не живем в среде позитивного мира и никого это не волнует. Однако, с другой стороны, у нас нет ощущения, что мы живем в полном хаосе и опасности. Мы не боимся ночью отпускать наших детей куда угодно, но и помним множество массовых беспорядков, закончившихся фатальными последствиями для людей (особенно ночь на 20 июня 2019 года).

До сих пор НАТО упоминала Грузию только в положительном контексте, недавно Школа оборонного институционального строительства получила аккредитацию НАТО, а это значит, что страны-члены НАТО будут направлять сюда своих сотрудников для обучения. Консультанты НАТО работают в нашем Министерстве обороны, Службе государственной безопасности.

Однако это также не означает и не является гарантией демократических процессов в органах, которые в последние годы работают в режиме оборонительного реагирования в связи с решениями политического руководства.

Пока наши государственные институты вовлечены в международное сотрудничество, несмотря на риторику «Грузинской мечты» (двусмысленные заявления об интеграции в НАТО и Евросоюз), опасности международного изоляционизма нет, однако при сохранении этой тенденции со стороны «Грузинской мечты», и если это будет сопровождаться достаточно усиленной критикой и недоверием к Грузии (Резолюция Европарламента и дебаты о СМИ - это не то, чем можно гордиться), может закончиться закрытием или сокращением программ международного сотрудничества, и вот здесь те небольшие успехи, которых мы добились до сих пор, действительно окажутся под угрозой.

Я также думаю, что мобилизация вокруг деолигархизации не является правильным меседжем и объединяющей концепцией в обществе.

Нам нужно что-то, что нас объединит, а не разъединит, создание повестки дня и расстановка приоритетов — это другое. Главным приоритетом здесь, конечно же, должна стать деолигархизация.

Также я думаю, что ни одна из политических сил не преуспела и не заинтересована в создании объединяющей политики, которая будет шире открывать двери для разных мнений.

«Грузинской мечте» удастся сохранять какой-то баланс в отношении оккупированных регионов, но, к сожалению, т.н. устойчивое равновесие очень уязвимо и полностью лишена поддержки.

Натиа Чанкветадзе: Идея мира в Грузии не конкретна, и то, что я наблюдаю в последнее время, стало предметом манипуляций. В контексте конфликтов концепция мира еще более расплывчато, потому что, с одной стороны, мы имеем реальность российских военных баз и усиление контроля над Абхазией и Цхинвальским регионом; с другой стороны, абхазское и осетинское общества отдаляются от грузинской социальной, политической и культурной реальности и развиваются обособленно.

Самое простое восприятие мира связано с отсутствием активных боевых действий. В исследованиях мира и конфликтов это называется «негативным» миром. "Грузинская мечта" взяла идею «негативного» мира и уверяет нас, что отсутствие войны — это уже мир. На первый взгляд так оно и есть, хотя в это время люди, живущие на разделительной линии, ВПЛ, жители Абхазии и Цхинвальского региона, те, кто ежедневно сталкивается с последствиями войн и затяжных конфликтов, и для которых мир связан со многими другими вопросами и потребностями помимо отсутствия войны, полностью игнорируются.

Политика «Грузинской мечты» в вопросах безопасности, особенно в отношении Абхазии и Южной Осетии, предельно упростилась и, с учетом дискурса последних месяцев, полностью зависла на идее «не провоцировать Россию». Это ставит нас в еще более уязвимое положение и грозит изоляцией от наших стратегических партнеров. Кроме того, тема войны активно манипулируется конкретными политиками, они внушают страх обществу и взращивают

нарратив о том, что только "Грузинская мечта" не хочет войны, а все, кто подвергает сомнению их решения или мнения, или выступает против них, выступает за войну.

Политика безопасности «Грузинской мечты» заключается в сохранении статус-кво. Однако безопасность людей, ежедневно затрагиваемых конфликтом, существенно не улучшилась. Например, с 2012 года возле разделительных линий происходят похищения и аресты, были случаи Гиги Отхозория, Арчила Татунашвили, Давида Башарули, Геннадия Бестаева и многих других. Было много незаконных арестов. У нас до сих пор нет четких рамок того, что делается для предотвращения таких арестов/похищений и борьбы с ними. ВПЛ по-прежнему сталкиваются со многими проблемами. Ахалгори находится в фактической изоляции с 2019 года, а передвижение в направлении Абхазии и Цхинвали крайне ограничено. Однако за всем этим был создан «Шаг к лучшему будущему», который был очень хорошим и, что самое главное, совместным проектом (власти и лидеров оппозиции того времени).

К сожалению, темами мира и войны легко манипулировать, особенно в послевоенных обществах, однако это наносит ущерб мирному процессу.

Вано Абрамашвили: Сегодня у нас нет мира в Грузии, потому что наши неурегулированные конфликты воспроизводятся, остаются насильственными, и мы постоянно расплачиваемся человеческой, экономической, социальной и политической ценой. То, что звуки пушек не слышны годами, не означает, что наше положение можно назвать мирным, так как у нас нет согласия с абхазами и осетинами ни по одному вопросу, начиная с существующих проблем и заканчивая политическим статусом, и мы сталкиваемся с угрозой постоянной дестабилизации на фоне российской оккупации.

К сожалению, я не чувствую, что у правительства есть план того, как оно может справиться с рисками безопасности, как их предотвращать, и оно застряло в старой парадигме, где безопасность — это только работа военных, разведывательных служб и служб безопасности, и не делается никаких инвестиций для повышения устойчивости общества.

Как эта риторика отразится на Мирной политике и как смогут рефлексировать эти обсуждения и язык абхазское и осетинское общества? Паата, Вано и Натия

Натия Чанкветадзе: Новости последнего периода убедили меня в том, что из Цхинвала и Сухуми нас слушают и наблюдают более активно и внимательно, чем мы думаем в Тбилиси. Однако здесь распространяется много ложной и пропагандистской информации. Например, когда началась дискуссия о применении силы и «прогулке» в Сухуми и Цхинвале, это вызвало много вопросов и опасений у абхазов и осетин. В такие моменты важно давать четкие и конкретные ответы и максимально нейтрализовать страхи этих людей.

Важно также, внесение конкретики в Мирную политику. К сожалению, мы все еще находимся в смутном процессе. Непонятно, где нынешние лидеры «Грузинской мечты» видят решение и каково их видение урегулирования конфликта. С одной стороны, мы видим, что

политика «нераздражения» России ставит центр тяжести на Россию, однако, с другой стороны, нет конкретного процесса, того как бороться с влиянием России в Абхазии и Цхинвали. На данный момент как-то неловко даже говорить об этом, особенно когда речь идет о возможном влиянии российской политики на подконтрольной территории.

В целом в Абхазии и Южной Осетии существует проблема регулярного доступа к информации с грузинской стороны. Они видят только так называемые "хэдлины", которые появляются в грузинском обществе и медиапространстве. Например, "До Бучи была Абхазия", что тяжело восприняли и провели ответную кампанию. История с «прогулкой» в Сухуми и Цхинвали вызвала похожий отклик. К счастью, они также увидели обращение представителей гражданского общества к правительству Грузии, которые также имели конкретные призывы. Мы тоже находимся в подобном информационном вакууме. Помимо ряда СМИ и неправительственных организаций, и здесь привлекают внимание только «хэдлины», например, активно освещалась новость о том, что в Сухуми прошел митинг в поддержку России. Тем временем в том же Сухуми было подготовлено и распространено письмо против войны, к которому присоединились десятки людей, в том числе представители неправительственных организаций.

Риторика, направленная на узкие партийные интересы, вредит многим вопросам, в том числе Мирной политике, которая особенно нуждается в последовательности и принципиальности.

Вано Абрамашвили: Привнесение темы войны в грузинскую политику в партийных целях и для прикрытия внутренних кризисов всегда оказывало тяжелое влияние на Мирную политику, и особенно это стало ясно после ноября 2007 года, поэтому второй раз входить в одну и ту же воду не стоит, да и общество не должно допускать этого. Кроме того, на фоне российской дезинформации заявления грузинских политиков очень легко могут быть использованы для углубления страха и отчуждения по ту сторону разделительных линий.

Паата Закареишвили: Мирной политики нет, она мертва и поэтому не может нигде отразиться. Риторика это одно и несуществующая советская политика - другое. Тем более, что риторика тоже очень слабая и, [фактически, о Мирной политике речь не идет. Только о восстановление территориальной целостности и на уровне тостов обсуждаются отношения с общинами.](#)

[То, что правительство не хочет войны, это хорошо, и это видно, но абхазы и осетины не видят, как они хотят мира.](#) Я думаю, что абхазы очень боятся результатов в Украине (независимо от того, чем они закончатся - победой или поражением Украины). По их мнению, Россия ее не отпустит и от Грузии ждут определенных сигналов, которые Грузия не может и не дает. Они хотят быть на стороне как конфликта, так и переговоров, чтобы ликвидировать российские средства пропаганды и демагогии, как будто с Грузией они все равно не разговаривают и должны говорить о большей интеграции с Россией, так как у них нет шансов с Грузией. Это чувство есть, конечно, в Абхазии.

Грузии необходимо предпринять некоторые шаги. Один вариант - то, что я упомянул о неприменении силы, здесь можно говорить и о свободе передвижения. Что мы можем предложить действительно реальное, помимо существующего нейтрального статуса в мире для поездок по миру? Если откажутся от российского гражданства и если есть какой-то статус такого типа, не берите грузинские паспорта, а если у вас есть российские паспорта, то вы должны либо ездить с российскими паспортами, либо отказаться от них и тогда мы, Грузия, поможем вам получить настоящие статусные документы. Или, поскольку против России грядут экономические санкции, мы можем предложить посредническую банковскую деятельность — опять же со статусно-нейтральными концепциями, предлагая такую банковскую деятельность, исключаящую их признание и, с другой стороны, включающую их в какую-то систему.

Также можно говорить о транспортных коммуникациях, открыть автомобильную и морскую дорогу. У них проблемы со связью с Турцией, потому что полеты из России уже стали дороже, к тому же россияне с подозрением относятся к поездкам абхазов в Турцию. Возможно, мы найдем решение для поддержания морского сообщения из Сухуми в Турцию. Нейтральных вариантов может быть несколько, например, должна быть дорога от Сочи до Трабзона (между двумя легитимными государствами в начале и конце), из Сочи корабль должен сначала зайти в Сухуми, забрать пассажиров, потом зайти в Батуми и здесь забрать пассажиров, а затем отправиться в Трабзон. Грузия будет довольна, потому что мы поможем Абхазии с приходом корабля в Батуми. Со своей стороны, абхазы тоже будут довольны, потому что Россия будет нейтрализована, корабль придет из России, то есть из одного законного порта (Сочи), и пойдет в другой легальный порт (Трабзон). И Батуми включен, потому что иначе этот вопрос не решить. Мы дали им возможность ездить в Турцию по цепочке Сочи-Сухуми-Батуми-Трабзон. Есть много вариантов такого типа, по которым мы можем предложить видение и принципы действий правительству Грузии в рамках серьезных профессиональных обсуждений с правительством Грузии или в гражданском секторе.